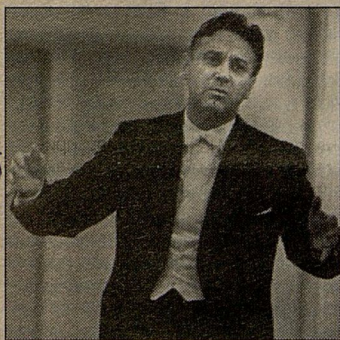

Возвращение к истокам

Памяти Кирилла Кондрашина и Самуила Самосуда

После успешных гастролей по городам Германии Академический симфонический оркестр МГФ ознаменовал начало своего московского сезона в Большом зале консерватории открытием двух абонементных циклов – “Памяти Кирилла Кондрашина” (к 90-летию со дня его рождения) и “Юбилейные даты сезона”, первый концерт которого был посвящен 120-летию со дня рождения Самуила Самосуда. Эти выдающиеся мастера в разные годы возглавляли филармонический оркестр, за пультом которого оба вечера стоял его нынешний главный дирижер Юрий Симонов.

К.Кондрашин, главный дирижер оркестра (1960 – 1976)

Программа концерта, открывшего кондрашинский цикл, немного удивила: Бетховен и Рахманинов – не самые характерные для этого дирижера композиторы. То ли дело Шостакович (Кондрашин, кстати, первый и до сих пор единственный дирижер в России, кто исполнил и записал все его симфонии), Малер или Брамс, Прокофьев или Чайковский. Удивил и сам порядок номеров: в первом отделении бетховенская увертюра к “Эгмонту” и Третий фортепианный концерт Рахманинова, во втором – снова Бетховен, Четвертая симфония...

Начало, казалось, не сулило никаких открытий. “Эгмонта” сыграли добротно, но несколько вяло и не без помарок. Заметно было, что музыканты, да и сам маэстро еще не вполне раскатались. В концерте Рахманинова на первый план закономерно вышел солист – Николай Петров, о чьих особых отношениях с этим композитором в последнее время у нас в газете столько писали, что не стоит

повторяться. Дирижер и оркестр были его достойными партнерами – не больше, но и не меньше.

Зато во втором отделении свершилось чудо: оркестр словно вострепел и воспарил, выдав вдохновенное и высокоступенное исполнение Четвертой симфонии. Симонов вновь подтвердил, что является одним из очень немногих наших дирижеров, по-настоящему состоятельных в Бетховене. Столь точной стилистически, выверенной от начала и до конца и, главное, истинно бетховенской по духу интерпретации этой симфонии в “живом” звучании слышать не доводилось. Четвертая – одна из самых светлых и вместе с тем едва ли не самая загадочная из бетховенских симфоний. Пожалуй, ни одна другая не знает такого количества различных, подчас диаметрально противоположных трактовок (от суровой трагедии у Тосканини до “поэмы экстаза” у Карлоса Клайбера). Симонову удалось найти некую золотую середину между крайними подходами, добиться эффекта светотени. Радость у него сдержанна, а печаль светла.

С.Самосуд, основатель и первый главный дирижер оркестра (1951 – 1957)

Вторая программа, посвященная Самосуду, более соответствовала репертуарным приоритетам этого великого маэстро, нежели первая – кондрашинским. Самосуд любил открывать новое и воскрешать забытое – и вот вам целый набор музыкальных редкостей. Музыка Глинки к “Князю Холмскому”. Юношеский скрипичный концерт Рихарда Штрауса. Да, собственно, и Седьмая симфония Дворжака звучит у нас нечасто.

На сей раз никакой раскачки не потребовалось. Музыка Глинки была исполнена отменно и не без изящества. Концерт Штрауса, в котором виртуозно солировал Максим Федотов, – тоже. Седьмая симфония Дворжака, в отличие, к примеру, от куда более популярной Восьмой, чрезвычайно трудна для интерпретации. Даже весьма именитым дирижерам не всегда удавалось произвести здесь целостное впечатление, добиться того, чтобы симфония захватывала и не отпускала. Симонову удалось. И уж поистине блистательно были исполнены на бис два Славянских танца того же Дворжака.

Таким образом, несмотря на все финансовые и кадровые проблемы, коллектив открыл новый сезон в достойной форме. И мне вспомнились слова Виктора Третьякова, которые наш выдающийся скрипач сказал в сентябре во время фестиваля Энеску в Бухаресте в интервью местному телевидению: “С приходом Юрия Симонова началось возрождение оркестра”. Побывав на последних концертах, трудно с этим не согласиться.

Когда-то, в далекие 70-е годы, когда Симонов был главным дирижером Большого театра и, несмотря на молодость, уже зарекомендовал себя сильным профессионалом, его упрекали, и не совсем обоснованно, в недостатке глубины и масштаба. С годами и то и другое пришло. Сегодня это не просто мастер, но и действительно глубокий художник, которому есть что сказать в музыке. Оркестр Московской филармонии Симонов принял в состоянии близком к критическому (уровень начал падать в начале 90-х, после ухода Дмитрия Китаенко, и этого падения не смогли остановить ни Василий Синайский, ни Марк Эрмлер, занимавшие после него этот пост) и за несколько лет сумел сделать многое. Поэтому в нынешнем обращении к именам, с которыми связана была слава коллектива, нет абсолютно ничего спекулятивного. Симонов по праву может считать себя наследником этих мастеров (хоть и не заявляет этого впрямую), ибо возрождает то, что они создавали. А возрождать, кстати, всегда труднее, чем создавать.

Дмитрий МОРОЗОВ
Фото ИТАР-ТАСС

Кучмюра. – 2003. – 6-12 нояб. – с. 13